

Научная статья

УДК 94(510)+070

EDN WAJITJ

DOI 10.17150/2587-7445.2023.7(3).294-303

«Красный туризм» как инструмент исторической политики современного Китая

К.Е. Кузьмин

Иркутский государственный
университет,
г. Иркутск, Российская Федерация

Дата поступления:

25.05.2023

Дата принятия к печати:

09.10.2023

Дата онлайн-размещения:

29.10.2023

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению «красного туризма» как инструмента китайской исторической политики. Автор анализирует феномен китайского «красного туризма», запущенный в 2004 г., а при Си Цзиньпине превратившийся в инструмент идеологического и патриотического воспитания граждан. «Красный туризм» появился только в нач. 2000-х гг., однако его предыстория берет начало уже в 1950–1960-е гг. В 1990-е гг. были запущены программы патриотического воспитания молодежи, которые проходили по важным историческим местам, связанным с событиями первой половины XX в. Это стало фундаментом для появления «красного туризма». Полномасштабное развитие направления, нацеленное на идеологическое воспитание, экономические доходы и развитие регионов страны, началось после 2012 г. К 2019 г. число посещений мест «красного туризма» выросло до 1,4 млрд. Его маршруты дают возможность гражданам Китая познакомиться с событиями истории Китая, связанными со становлением КПК, гражданской и японо-китайской войнами, образованием КНР. «Красный туризм» проходит по местам боевой славы и исторических событий КПК и страны (Пекин, Шаошань, Шанхай, Яньань, Жуйцзинь и др.), что дает возможность путешественникам «прикоснуться» к истории. Направление финансируется и поддерживается партией и государством, приносит серьезную прибыль, дает импульс развитию связанных с ним районов Китая и является одним из популярных направлений внутреннего туризма. Автор приходит к выводу, что направленность «красного туризма» на историю и связь с коллективной памятью о прошлом делают его инструментом исторической политики современной КНР.

Ключевые слова. Историческая политика, «красный туризм», Коммунистическая партия Китая, японо-китайская война 1937–1945 гг., «китайская мечта», Си Цзиньпин.

科学文章

“红色旅游”作为现代中国历史政策的工具

K.E. Kuzmin

Иркутский государственный
университет,
Иркутск, Россия

结稿日期: 2023年05月25日

出版日期: 2023年10月09日

网上出版日期: 2023年10月29日

摘要: 本文专门探讨了作为中国历史政策工具的“红色旅游”。作者分析了中国的“红色旅游”现象,这一现象始于2004年,并在习近平的领导下成为对公民进行思想教育和爱国主义教育的工具。“红色旅游”在本世纪初才出现,但其历史可以追溯到20世纪50年代至60年代。20世纪90年代,在与20世纪上半叶事件有关的重要历史遗址开展了针对年轻人的爱国主义教育计划。这为“红色旅游”的出现奠定了基础。该方向从2012年开始全面发展,以思想教育、经济收入和国家地区发展为目标,到2019年,“红色旅游”地参观人次增至14亿人次。公民有机会了解与中国共产党的成立、

内战、中日战争以及中华人民共和国的成立有关的中国历史事件。红色旅游”发生在党和国家的军事荣耀和历史事件发生地（北京、韶山、上海、延安、瑞金等），让游客有机会“触摸”历史。该方向受到党和国家的资助和支持，带来了丰厚的利润，带动了我国相关地区的发展，是国内旅游的热门目的地之一。作者得出的结论是，“红色旅游”对历史的关注以及与过去集体记忆的联系使其成为现代中国历史政策的工具。

关键词：历史政策，红色旅游，中国共产党，1937-1945年中国抗日战争，中国梦，习近平。

Original article

The “Red Tourism” as an Instrument of the Historical Policy of Modern China

K.E. Kuzmin

Irkutsk State University,
Irkutsk, Russian Federation

Received: 2023 May 25

Accepted: 2023 October 9

Available online: 2023 October 29

Abstract. This article is devoted to the consideration of “red tourism” as an instrument of Chinese historical policy. The author analyzes the phenomenon of Chinese “red tourism”, which was launched in 2004, and under Xi Jinping turned into an instrument of ideological and patriotic education of people. “Red tourism” appeared only in the beginning. In the 2000s, however, its prehistory dates back to the 1950s and 1960s. In the 1990s, programs of patriotic education of young people were launched, which took place at important historical sites associated with the events of the first half of the twentieth century. This became the foundation for the emergence of “red tourism”. Full-scale development of the direction aimed at ideological education, economic income and development of the country's regions began after 2012. By 2019, the number of visits to places of «red tourism» has grown to 1.4 billion. Its routes provide an opportunity for Chinese citizens to get acquainted with the events of China's history, which are associated with the formation of the CPC, the civil and Sino-Japanese wars, the formation of the PRC. “Red tourism” takes place in the places of military glory and historical events of the CPC and the country (Beijing, Shaoshan, Shanghai, Yan'an, Ruijin, etc.), which gives travelers the opportunity to “touch” history. This direction is funded and supported by the party and the state, brings serious profits, gives impetus to the development of the related areas of China and is one of the popular destinations of domestic tourism. The author comes to the conclusion that the focus of “red tourism” on history and the connection with the collective memory of the past make it an instrument of the historical policy of modern China.

Keywords. Historical policy, “red tourism”, the Communist Party of China, the Sino-Japanese War of 1937–1945, “Chinese dream”, Xi Jinping.

Введение

Историческая политика в Китае в последнее десятилетие переживает серьезную трансформацию, которая непосредственно связана с курсом, проводимым председателем КНР и генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпином. С момента прихода к власти он стал реализовы-

вать концепцию «китайской мечты» с целью создания в стране общества средней зажиточности («сяокан»). Одним из инструментов воплощения на практике «китайской мечты» стало усиление идеологической политики, направленное на объединение общества вокруг Коммунистической партии как ведущей общественной силы и ее

лидера [1, с. 146]. Большое внимание партия и правительство стали уделять воспитанию населения в духе патриотизма и верности Коммунистической партии, для чего нередко использовались исторические нарративы 1920–1940-х гг., связанные с периодом формирования КПК, гражданской войной, восхождением Мао Цзэдуна к власти, сопротивлением Китая японской агрессии, победой коммунистов в противостоянии с Гоминьданом и образованием Китайской Народной Республики. Данные исторические сюжеты призваны, с одной стороны, рассказать современным китайцам, прежде всего, молодежи, о героизме руководства и членов КПК в тяжелые для страны годы и об их решающем вкладе в образование «нового Китая», а с другой стороны, проиллюстрировать преемственность современных властей от коммунистических лидеров того времени и, соответственно, справедливость и верность курса развития КНР, проводимого партийными и государственными органами.

Китайская историческая политика, интенсификация которой произошла после 2012 г., оказалась одним из инструментов реализации концепции «китайской мечты», воспитания населения страны в патриотическом духе уважения к прошлому и укрепления единства общества вокруг КПК и «пятого поколения руководителей» во главе с Си Цзиньпином. Основными ее нарративами стали события первой половины XX в., прежде всего, образование КПК, гражданская война и борьба с японской агрессией. Власти КНР используют различные инструменты, типичные для исторической политики в разных странах, — от принятия т.н. «мемориальных законов» [2, с. 73–75] и возведения памятников и музеев до производства фильмов и создания исторических интернет-порталов [3, с. 25]. Одним из ключевых инструментов политического использования прошлого стал т.н. «красный туризм», который в последнее десятилетие особо поддерживается и продвигается государством. Его содержание составляют путешествия по местам «боевой славы» китайских коммунистов, локациям ключевых сражений гражданской и японо-китайской войн. Главной особенностью феномена является его двойственная направленность. С одной стороны, целью «красного туризма» является патриотическое воспитание и развитие исторической памяти о событиях XX столетия у современных китайцев. С другой стороны, «красный туризм» — это одно из направлений социально-экономической политики, призванное, в том числе, развивать отсталые

и депрессивные регионы страны посредством привлечения туристических потоков, создания новых рабочих мест, вложений в инфраструктуру городов и поселений и проч.

Экономическая сторона «красного туризма» достаточно подробно освещена в российской и зарубежной научной литературе и публицистике. Однако исследователи редко обращают внимание на историческую составляющую феномена и практически не рассматривают его как инструмент политического использования прошлого. Исходя из этого, была поставлена цель рассмотреть феномен китайского «красного туризма» как элемент исторической политики КНР. Статья призвана представить несколько иной взгляд на «красный туризм», а именно через призму *memory studies*, не обходя вниманием и экономическую составляющую явления.

К теме «красного туризма» нередко обращаются западные и китайские исследователи. Так, одна из глав монографии К.А. Дентона о музейной и демонстрационной исторической политике посвящена «красному туризму» как формирующему современную китайскую идентичность инструменту и повествует о специфике развития данного туристического направления в различных локациях [4, с. 214–242]. Чжэн Ван в своей работе об особенностях развития китайской исторической памяти уделяет внимание «красному туризму» как элементу современной политики руководства КНР по легитимации власти и укреплению единства вокруг партии и правительства [5, с. 95–118]. Экономической составляющей «красного туризма» и исследованию возможностей сопряжения его маршрутов с историческими локациями в России посвящена работа Юй Чжочао [6]. Отечественные авторы тоже обращаются к теме, однако чаще всего они рассматривают «красный туризм» в контексте развития российско-китайского сотрудничества в туристической сфере. Одной из редких в отечественной литературе является статья Д.В. Кузнецова, исследующего явление как самостоятельный феномен [7]. Что же касается рассмотрения «красного туризма» в контексте исторической политики или коллективной памяти, то данное направление в российском исследовательском поле практически не представлено.

Историческая политика: основные подходы

Нарративы прошлого, формирующие коллективную память, зачастую становятся инструментом, используемым различными группами

в обществе, будь то органы государственной власти, политические элиты и оппозиционные силы, религиозные, национальные или иные акторы с целью поддержания собственной власти или укрепления коллективной идентичности. Это свойство памяти, которое делает ее объектом использования общественных сил, было замечено знаменитым социологом Э. Дюркгеймом, который, к слову, был учителем основоположника направления *memory studies* М. Хальбвакса. В работе «Элементарные формы религиозной жизни», исследуя культы тотемических сообществ Австралии, он писал, что они проводят обряды вспоминания мифического прошлого, через которые «группа периодически обновляет чувство самосознания и единства» [8, с. 620]. «Отец-основатель» направления исследования исторической памяти М. Хальбвакс в своих работах также отмечал эту специфику памяти. О ее объединяющем свойстве, которое и делает память о прошлом инструментом политики, писал основоположник концепции «культурной памяти» Я. Ассман. Описывая особенности развития памяти в бесписьменных и письменных сообществах Древнего Востока, практики фиксации истории в Египте или у евреев, Ассман, по сути, исследует корни исторической политики, т.е. работы власти с прошлым [9, с. 75]. В работах супруги культуролога А. Ассман также подробно описана работа политики с прошлым, в том числе, в процессе национального строительства. Нельзя не упомянуть и работу Б. Андерсона, в которой он развивает концепцию «воображаемых сообществ», в основе которых лежит прошлое и память о нем. К слову, в этой работе историк кратко описывает и особенности политического использования прошлого в Китае после 1949 г. [10, с. 177].

Современные исследователи активно обращаются к теме политического использования прошлого. Как пишет историк Ю.А. Сафронова, «политики используют исторические аналогии, чтобы обсуждать важные вопросы дня сегодняшнего, манипулируют памятью, чтобы легитимизировать изменения или их отсутствие, опираясь на мифы основания, важные для определенного сообщества» [11, с. 194]. Последнее замечание весьма важно, т.к. память нередко используется для формирования или укрепления идентичности, когда «мифы основания», т.е. исторические нарративы, закладываются в основание той или иной коллективной общности. Соответственно, политические элиты и правящие группы могут обращаться к памяти и заимствовать из нее нужные им сюжеты, фигуры и образы. Об этой

особенности упоминает американский историк А. Мегилл, писавший о связи памяти и идентичности [12, с. 138–143]. Отсюда берется взаимодействие политики и памяти.

Ключевая проблема описания использования государственными и политическими структурами памяти о прошлом заключается в том, что в исследовательском поле используется множество различных понятий, описывающих данное явление, которые, по мнению некоторых исследователей, дублируют друг друга. Так, существуют термины «политика памяти», «политическое использование прошлого», «символическая политика», «политизация истории», «историческая политика» и др. Эти понятия, с одной стороны, наполнены схожим смыслом и объясняют с разных сторон соотношение истории, коллективной памяти и политики. С другой стороны, они имеют разную предысторию появления и объясняют различные стороны взаимодействия прошлого и политики. Чаще всего исследователями используются термины «историческая политика» и «политика памяти».

Существуют разные точки зрения исследователей относительно соотношения вышеуказанных терминов. В частности, историк Н.Е. Копосов считает, что «политика памяти» и «историческая политика» синонимичны и описывают один и тот же процесс политической работы с историей [13, с. 52]. Политолог О.Ю. Малинова, в отличие от Копосова, полагает, что понятия «политика памяти» и «историческая политика» отличаются друг от друга, а последний феномен является частным случаем первого. Политика памяти, по ее мнению, — это «деятельность государства и других акторов, направленная на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающей их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях — и законодательного регулирования», тогда как «историческая политика» является совокупностью конкретных политических, административных, экономических методов, используемых на государственном уровне и в интересах правящей элиты в сфере коллективной памяти и истории [14, с. 9]. Малинова считает, что оба термина недостаточно полно описывают политический процесс использования прошлого. По ее мнению, они вместе с «политическим использованием прошлого» являются проявлениями «символической политики» [там же]. Политолог в своих рассуждениях опирается на аргументацию историка А.И. Миллера, который в одной

из работ также полагает, что «политика памяти» и «историческая политика» имеют отличия. Политика памяти, по его мнению, является совокупностью «различных общественных практик и норм, связанных с регулированием коллективной памяти» [15, с. 7]. Под исторической политикой он понимает «набор практик, с помощью которых отдельные политические силы стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие» [там же, с. 10]. Существуют и иные взгляды на феномен исторической политики. Некоторые исследователи полагают, что в ее реализации участвует не только государство, но и прочие акторы. С точки зрения немецкого историка Э. Вольфрума историческая политика является сферой, в которой различные общественные силы извлекают из истории «политические выгоды» [11, с. 204].

Концепция, разработанная в трудах Малиновой и Миллера, представляется наиболее подходящей для данного исследования, поскольку в ней историческая политика выделена как обособленный феномен, отличающийся от политики памяти. Кроме того, данный термин, описывающий комплекс различных политических и экономических инструментов, целенаправленно используемых государственными элитами для работы с коллективной памятью о прошлом и с историей как набором важнейших для общества нарративов, наиболее полно описывает феномен «красного туризма» как элемента исторической политики. Понятие «политики памяти» в разрабатываемом контексте вряд ли уместно, поскольку оно охватывает взаимодействие различных общественных акторов с прошлым в целом без конкретной направленности и является более обширным явлением.

Использование прошлого в политических целях в Китае глубоко укоренено в истории государства и имеет корни в древнейших философских концепциях китайской мысли. Как отмечает Б.Г. Доронин, «китайская историография — феномен, аналогов которому в мире нет. Свое начало она берет в глубокой древности (приблизительно на рубеже I и II тыс. до н. э.) как дело государственное» [16, с. 138]. Институт государственной историографии развивался и в последующие столетия вплоть до начала XX в. История была источником афоризмов, примеров для подражания и моделей поведения в конкретных ситуациях. Особую роль здесь играло конфуцианство, в котором прошлому, традициям и древности уделялось ключевое внимание. Л.С. Переломов пишет: «Конфуция

можно по праву назвать певцом древности; он был первым в истории китайской философии и политической мысли, кто фактически не только создал культ древности, но и ориентировал свою модель государства как бы в прошлое» [17, с. 88]. Нельзя не отметить, что знаменитая система государственных экзаменов для чиновников («кэцзюй»). Исходя из вышеизложенного, можно отметить, что историческая политика в Китае имеет серьезный фундамент, заложенный в далеком прошлом. Соответственно, главным свойством истории и коллективной памяти является контроль и регулирование со стороны государства, время от времени ослабляющееся или, наоборот, усиливающееся.

Важнейшей особенностью исторической политики современного Китая является восстановление идеологической монополии партийных и государственных органов на работу с историей и с интерпретациями прошлого, формирующими необходимую коллективную память [1, с. 146], которая была несколько ослаблена в 1980-е гг. Соответственно, сегодня в КНР партийная и государственная власть является по сути единственным актором, работающим с прошлым, конструирующим и реализующим историческую политику.

Развитие «красного туризма» как инструмента исторической политики

Китайский «красный туризм» как социокультурное явление, представляющее собой посещение мест, связанных с историей КПК, гражданской и японо-китайской войн, как отмечают историки, стал формироваться еще в послевоенные 1950-е гг., когда ветераны-коммунисты посещали места боевой славы Красной армии и компартии. Важно отметить, что это, во многом, связано с формированием памяти о становлении КПК и о гражданской войне, которое происходило в 1950–1960-е гг. Процесс обусловлен тем, что, во-первых, история компартии и войны с Гоминьданом, которая окончилась победой коммунистов и образованием Китайской Народной Республики (т.е. основополагающим для страны, власти и общества событием), оказалась своеобразным «местом памяти», объединяющим нацию. А во-вторых, у причастных к событиям 1920–1940-х гг. была потребность в воспоминании исторических событий, что типично для участников любых нарративов прошлого, и таким образом формировалась «низовая память». Однако «красный туризм» не был системным, более того, такой термин даже не

использовался. Д.В. Кузнецов отмечает, что интерес к местам боевой славы КПК возрос при активном участии государства и партийных органов в годы «культурной революции», когда посещение мемориальных локаций было обязательным для коммунистов [7, с. 489].

Предпосылки к формированию «красного туризма» были заложены в 1990-е гг., патриотическое воспитание на основе исторической памяти уже имело место. Так, в 1991 г. Отдел пропаганды ЦК КПК выпустил документ, в котором обосновывал необходимость использования исторических реликвий в патриотическом воспитании подрастающего поколения для более наглядного и эффективного разъяснения исторического материала. В 1994 г. в ЦК КПК был разработан «План осуществления патриотического воспитания», предусматривавший отбор исторических мест для идеологического и патриотического образования школьников и молодежи. В следующем году были выбраны 100 демонстрационных мест, связанных с событиями китайской истории предыдущих 150 лет. В список вошли, в том числе, 24 локация, связанные с гражданской войной, и 20 локаций, имеющих отношение к японо-китайской войне 1937–1945 гг. [5, с. 104–106].

Как отмечает Юй Чжочао, «целенаправленное масштабное развитие туристской деятельности в Китае начало развиваться лишь только в конце 90-х гг. прошлого века» [6, с. 95]. Однако именно это привело к появлению такого феномена как «красный туризм», который представлял собой синтез патриотического воспитания и туристической сферы и выполнял одновременно идеологическую, экономическую и развлекательную функции. В 2004 г. была обнародована «Национальная программа развития «красного туризма» в 2004–2010 гг.», разработанная Канцелярией ЦК КПК и Госсоветом КНР. Проект был призван выполнять несколько важнейших функций: воспитывать патриотизм у подрастающего поколения и пробуждать интерес к истории КПК и страны первой половины XX в., сохранять и развивать революционные и партийные традиции, укрепляя причастность граждан к прошлому, создать дополнительный источник доходов в сфере преимущественно внутреннего и внешнего туризма, придать импульс экономическому и социальному развитию районов, имеющих отношение к маршрутам и локациям «красного туризма». Реализация проекта была разделена на два этапа — с 2004 по 2007 гг. (формирование маршрутов и создание необходимой инфраструктуры)

и с 2007 по 2010 гг. (расширение и развитие маршрутов и совершенствование инфраструктуры). На первом этапе было разработано 30 туристических маршрутов в 12 зонах. Пунктами этих маршрутов стали 100 основных мест, связанных с историей Китая первой половины XX в., список которых был опубликован государственным туристическим бюро в 2005 г. В него вошли исторические достопримечательности Пекина, Шанхая, Сианя, Яньаня, Цзинганшаня, Жуйцзиня, Шаошаня и т.д. Разработчики предполагали, что данное туристическое направление будет приносить около 20 млрд юаней [7, с. 493].

В 2004–2005 гг. начался процесс реализации «красного туризма» под государственным и партийным управлением и контролем. По мнению исследователя Чжэн Вана, «КПК умело заменила термин «образование» на «туризм»» [5, с. 109]. Иначе говоря, просветительская и идеологическая работа с молодежью была расширена и трансформирована в туристическое направление с пропагандистской подоплекой. Интересно, что уже с начала работы проекта групповые поездки и экскурсии для учащихся стали бесплатными, а индивидуальные — льготными. Это говорит о том, что основным адресатом идей, заложенных в «красном туризме», была молодежь. В первые годы реализации программы «красного туризма» в районах, сопряженных с маршрутами, была создана необходимая инфраструктура. Однако стоит отметить, что вплоть до прихода к власти Си Цзиньпина «красный туризм» оставался всего лишь одной из отраслей туризма и только одним из ряда инструментов идеологической и воспитательной работы. В этот период интерес китайских властей к исторической политике и ее инструментарию был невысоким, по крайней мере, если сравнивать его с последующими годами. Что же касается населения Китая, то путешествия по местам боевой славы КПК пользовались спросом, в основном, среди людей зрелого и пожилого возраста.

С 2012 г., когда историческая политика стала одним из приоритетов курса нового руководителя КНР и КПК Си Цзиньпина, усилилось внимание партийных и государственных властей и к «красному туризму» как инструменту патриотического воспитания. Он стал рассматриваться как возможность прикоснуться к героическому прошлому страны и партии, прочувствовать сопричастность к великим событиям прошлого. Иначе говоря, «красный туризм» стал мемориальным инструментом, призванным сплотить население вокруг истории партии и государства

первой половины XX в. посредством различных способов, в том числе, через присутствие в исторических локациях. Кроме того, при Си Цзиньпине «красный туризм» в данном контексте претерпел важную трансформацию: путешествие по местам боевой славы коммунистов — основателей страны — стало сопрягаться с возможностью «прочувствовать» на себе «тяготы революционной борьбы» через присутствие в пещерах Яньяня, в которых несколько лет жили коммунисты, надевание формы Красной армии времен гражданской войны, прикосновение к боевым орудиям и т.д. В частности, в Яньяне проводится шоу, рассказывающее о трудностях жизни коммунистов в период их пребывания в городе с 1936 по 1947 гг., которое заканчивается тем, что огромный флаг Китая опускается на зрителей, протягивающих руки к нему¹. По сути, «красный туризм» стал давать возможность жителям страны формировать память о прошлом Китая через чувственное восприятие, «переживание» тех событий на себе. Это является одним из инструментов исторической политики, основанном на фундаментальных постулатах действия религиозно-мифологического обряда, о которых писал еще Э. Дюркгейм: «Обряд заключается лишь в воспоминаниях о прошлом и, так сказать, в его перенесении в сегодняшний день через самое настоящее театральное представление» [8, с. 615].

Особое внимание при Си Цзиньпине стало уделяться воспитанию молодого поколения в патриотическом духе, соответственно, «красный туризм» также был переориентирован на эту группу населения. По данным статистики, приведенной в период пандемии коронавируса сервисом бронирования туров Fliggy, люди в возрасте от 21 до 30 лет составили 40 % от общего числа граждан, посещающих маршруты «красного туризма» [7, с. 496]. Важно отметить, что представленная статистика иллюстрирует общую тенденцию роста интереса к КПК и ее истории среди молодежи, который произошел в середине 2010-х гг. в Китае. Школьники и студенты, приезжающие в места событий прошлого, изучают там историю партии, слушают и исполняют патриотическую песню «Алеет восток» и приносят клятву верности КПК². В «Плане разви-

тия туризма на 13-ю пятилетку», в частности, был сделан упор на то, чтобы совмещать занятия по историческому воспитанию с посещением мест, связанных с историей партии и страны³.

Нельзя не сказать, что в последнее десятилетие «красный туризм» превратился в направление туристической отрасли, постоянно развивающееся и приносящее доход в государственный и местные бюджеты. По статистике пандемийного 2020 г., на «красный туризм» приходилось 11 % от всего внутреннего рынка⁴. По некоторым прогнозам, доходы «красного туризма» могут к 2023 г. достигнуть 153 млрд долл. США. Что касается посещаемости мест революционной борьбы, то если в 2004 г. число визитов составляло 140 млн, то к 2019 г. оно достигло 1,4 млрд посещений в год⁵. Только Дом-музей I съезда КПК в Шанхае посещало до 2017 г. около 500 млн чел. в год, а к 2019 г. число составило 1,4 млн в год⁶. Инфраструктура «красного туризма» способствует развитию городов и провинций, которые связаны с маршрутами проекта, и транспортных магистралей. В этих районах строятся гостиницы, кафе, сувенирные магазины и т.д. Благодаря внесению той или иной локации в список мест или направлений «красного туризма» происходит реставрация музеев, памятников, старых зданий и т.д. Стоит обратить внимание, что отрасль дает рабочие места жителям туристических зон. Так, в марте 2021 г. во время пресс-конференции, посвященной празднованию 100-летия КПК, был упомянут пример, когда развитие «красного туризма» решило проблему занятости для более чем 80 тыс. человек в уезде Пиншань провинции Хэбэй⁷.

На момент начала реализации проекта в список основных направлений «красного туризма»

³ «十三五»旅游业发展规划 = 13-й пятилетний план развития туризма. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2016-12/26/content_5152993.htm.

⁴ The Rapid Rise of «Red Tourism» in China = Стремительный рост «красного туризма» в Китае. URL: <https://edition.cnn.com/travel/article/china-red-tourism-sites-cmd/index.html>

⁵ 寓教于游的红色旅游逐渐“活”起来 = Постепенно оживает образовательный красный туризм. URL: http://www.redtourism.com.cn/hstt/content/2023-05/17/content_142188.html.

⁶ Место проведения 1-го съезда КПК в Шанхае привлекает все больше молодых посетителей. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0518/c31516-9850936.html>.

⁷ 中共中央新闻发布会介绍中国共产党成立100周年庆祝活动有关情况 = Пресс-конференция Центрального комитета КПК, посвященная празднованию 100-летия Коммунистической партии Китая. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/23/content_5595178.htm.

¹ «Red tourism» Flourishes in China Ahead of Party Centennial = В преддверии столетия партии в Китае расцветает «красный туризм». URL: <https://www.nytimes.com/2021/06/25/business/china-centennial-red-tourism.html>.

² How Nationalism is Shaping China's Young = Как национализм формирует китайскую молодежь. URL: <https://www.economist.com/special-report/2021/01/21/how-nationalism-is-shaping-chinas-young>.

было внесено 12 зон, включивших в себя, в том числе, Шанхай, Пекин, Жуйцзинь, Шаошань, Яньань, Цзунь, Цзинганшань и др. Смысловое содержание данных зон и центров, так или иначе, связано с историей КПК, гражданской и японо-китайской войн, Великого похода 1934 — 1936 гг. В частности, Шаошань является родиной Мао Цзэдуна, Жуйцзинь был центром Китайской Советской республики в 1931–1934 гг., Шанхай является местом проведения I съезда КПК в 1921 г., на котором была создана партия, Яньань — это «родина революции» и место пребывания КПК с 1936 до победы в гражданской войне. Все локации так или иначе связаны с китайским прошлым первой половины XX в. В последующие годы список расширялся. Так, в 2016 г. комиссией по развитию и реформам был обнародован список новых 300 «национальных классических живописных мест «красного туризма», которые стали приоритетными направлениями развития отрасли в следующие несколько лет⁸.

Мощный импульс к развитию туристического направления, несмотря на пандемию коронавируса, придало 100-летие образования Коммунистической партии Китая, отмечавшееся в 2021 г. В преддверии празднования Министерством культуры и туризма КНР и Отделом пропаганды ЦК КПК были представлены «100 великолепных маршрутов «красного» туризма в честь 100-летия основания Компартии». Как писала «Жэньминь Жибао», целью стало стремление «объединить изучение и образование по истории партии, а также в полной мере продемонстрировать основные достижения, достигнутые КПК в процессе китайской революции, последующего строительства и реформ»⁹. Кроме того, в Шанхае был открыт отреставрированный и расширенный Дом-музей I съезда партии, а в Пекине в июне состоялось торжественное открытие

Музея КПК общей площадью в 150 тыс. кв. км [18, с. 118]. Оба города и, соответственно, музей являются важными точками маршрутов «красного туризма».

Выводы

«Красный туризм», выросший из программ патриотического воспитания населения, прежде всего, молодежи, стал важным инструментом пропагандистской и идеологической работы по созданию «правильного» образа истории Китая и компартии первой половины XX в., а также превратился в мощную туристическую отрасль, приносящую доходы. Основой смыслового содержания «красного туризма» стала история партии и страны, т.к. путешествие происходит по важным историческим местам. В этих местах происходит активное взаимодействие граждан с прошлым, «прикосновение» к героическим событиям истории.

Таким образом, китайское руководство использовало туристическую отрасль и сопутствующий ей инструментарий (от посещения локаций и музеев до участия в своеобразных исторических реконструкциях) не только для привлечения туристов в депрессивные регионы КНР и их экономического развития, но и с целью патриотического воспитания граждан, укрепления сплоченности вокруг КПК и руководства страны, для формирования конструируемого партией и государством необходимого образа героического прошлого как фундамента настоящего. Важно отметить, что «красный туризм» предназначен, в основном, для посещения китайским населением, прежде всего, молодежью, а не зарубежными туристами, что указывает на его внутривнутриполитическую и идеологическую направленность. Кроме того, в рамках отрасли туризма посещаются исключительно памятные места, связанные с историей становления КПК, гражданской войны и борьбы с японской агрессией. Нельзя не упомянуть о специфических исторических шоу, призванных пробудить чувства сопричастности к героическому прошлому. Все это делает «красный туризм» важнейшим инструментом исторической политики, интенсифицированной при Си Цзиньпине.

⁸ 全国红色旅游经典景区名录 = Государственный список классических живописных мест красного туризма. URL: <https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/tz/201612/W020190905516186103267.pdf>.

⁹ Репортаж: В Китае представили 100 великолепных маршрутов «красного» туризма. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0602/c31516-9856580.html>.

Список использованной литературы

1. Хубриков Б.О. Историческая политика в современном Китае: конструируя прошлое, воображая будущее / Б.О. Хубриков. — DOI 10.46272/2587-8476-2022-13-3-145-156. — EDN MANTOS // Международная аналитика. — 2022. — Т. 13, № 3. — С. 145–156.
2. Хубриков Б.О. Историческая политика в эпоху Си Цзиньпина / Б.О. Хубриков. — DOI 10.18522/2500-3224-2020-1-66-83. — EDN IZZNCV // Новое прошлое. — 2020. — № 1. — С. 66–83.

3. The Nanjing Massacre and the Making of Mediated Trauma / ed. by H. Li, Sh. Huang. — Routledge, 2021. — 236 p.
4. Denton K.A. Exhibiting the Past: Historical Memory and the Politics of Museums in Postsocialist China / K.A. Denton. — Honolulu : University of Hawai'i Press, 2014. — 362 p.
5. Wang Zh. Never Forget National Humiliation: Historical Memory in Chinese Politics and Foreign Relations / Zh. Wang. — New York : Columbia University Press, 2012. — 311 p.
6. Чжочао Ю. «Красный туризм» как основное направление сотрудничества в области туризма между Китаем и Россией / Ю. Чжочао. — EDN JFBSUK // Постсоветский материк. — 2019. — № 4 (24). — С. 94–106.
7. Кузнецов Д.В. «Красный туризм» в Китае / Д.В. Кузнецов. — DOI 10.48344/27823768_2022_12_489. — EDN SXOLDT // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. — 2022. — № 1. — С. 489–498.
8. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Э. Дюркгейм; под науч. ред. А. Апполонова. — Москва : Дело, 2018. — 736 с.
9. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман; пер. с нем. М.М. Сокольской. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.
10. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; пер. с англ. В.Г. Николаева. — Москва : Канон-пресс-Ц, 2001. — 288 с.
11. Сафронова Ю.А. Историческая память: введение : учеб. пособие / Ю.А. Сафронова. — Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. — 224 с.
12. Мегилл А. Историческая эпистемология / А. Мегилл. — Москва : Канон-Плюс, 2009. — 480 с.
13. Копосов Н.Е. Память строгого режима. История и политика в России / Н.Е. Копосов. — Москва : Новое литературное обозрение, 2011. — 320 с.
14. Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа / О.Ю. Малинова. — EDN XTXFPF // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. — 2017. — № 4 (87). — С. 6–22.
15. Миллер А.И. Россия: власть и история / А.И. Миллер. — EDN YUTDGZ // Pro Et Contra. — 2009. — Т. 13, № 3–4. — С. 6–23
16. Доронин Б.Г. Китай: историческая память как основа национальной государственности (взгляд китайского историка) / Б.Г. Доронин. — EDN VVNLDP // Диалог со временем. — 2016. — № 54. — С. 137–149.
17. Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая / Л.С. Переломов. — Москва : Наука, 1981. — 340 с.
18. Кузьмин К.Е. Празднование 100-летия Коммунистической партии Китая как пример коммеморации в современной КНР / К.Е. Кузьмин. — DOI 10.25205/978-5-4437-1405-9-115-120. — EDN NHNTSF // Актуальные вопросы истории, международных отношений и культур стран Востока : материалы V Междунар. науч. конф., Новосибирск, 7 окт. 2022 г. / отв. ред. Е.Э. Войтишек. — Новосибирск, 2022. — С. 115–120.

References

1. Khubrikov B.O. Politics of History in China: Constructing the Past, Imaging the Future. *Mezhdunarodnaya analitika = Journal of International Analytics*, 2022, vol. 13, no. 3, pp. 145–156. (In Russian). EDN: MANTOS. DOI: 10.46272/2587-8476-2022-13-3-145-156.
2. Khubrikov B.O. Historical Politics in the Era of Xi Jinping. *Novoe proshloe = The New Past*, 2020, no. 1, pp. 66–83. (In Russian). EDN: IZZNCV. DOI: 10.18522/2500-3224-2020-1-66-83.
3. Li H., Huang Sh. (eds.). *The Nanjing Massacre and the Making of Mediated Trauma*. Routledge, 2021. 236 p.
4. Denton K.A. *Exhibiting the Past: Historical Memory and the Politics of Museums in Postsocialist China*. Honolulu, University of Hawai'i Press, 2014. 362 p.
5. Wang Zh. *Never Forget National Humiliation: Historical Memory in Chinese Politics and Foreign Relations*. New York, Columbia University Press, 2012. 311 p.
6. Chzhochoao Yu. "Red Tourism" As the Main Direction of Cooperation in the Field of Tourism between China and Russia. *Postsovetskii materik = The post-Soviet continent*, 2019, no. 4, pp. 94–106. (In Russian). EDN: JFBSUK.
7. Kuznetsov D.V. Red Tourism in China. *Rossiya i Kitai: istoriya i perspektivy sotrudnichestva = Russia and China: Cooperation History and Prospects*, 2022, no. 1, pp. 489–498. (In Russian). EDN: SXOLDT. DOI: 10.48344/27823768_2022_12_489.

8. Durkheim E. *Les formes élémentaires de la vie religieuse*. Paris, 1912. 647 p. (Russ. ed.: Durkheim E.; Appolonov A. (ed.). *Elementary forms of Religious Life: the Totemic system in Australia*. Moscow, Delo Publ., 2018. 736 p.).
9. Assmann J. *Das kulturelle Gedächtnis : Schrift, Erinnerung u. polit. Identität in frühen Hochkulturen*. München, Beck, Cop, 1992. 344 s. (Russ. ed.: Assmann J. *Cultural Memory : Writing, Memory and Politics. Identity in early Advanced Cultures*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 368 p.).
10. Anderson B. *Imagined Communities Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, Verso, 1983. 160 p. (Russ. ed.: Anderson B. *Imagined Communities Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Moscow, Kanon-press-Ts Publ., 2001. 288 p.).
11. Safronova Yu.A. *Historical Memory: Introduction*. Saint Petersburg, European University at Saint Petersburg Publ., 2020. 224 p.
12. Megill A. *Historical epistemology*. Moscow, Kanon-Plyus Publ., 2009. 480 p.
13. Koposov N.E. *Memory of Strict Regime. History and Politics in Russia*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 320 p.
14. Malinova O.Yu. Commemoration of Historical Events as an Instrument of Symbolic Policy: Possibilities for Comparative Analysis. *Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz = The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, 2017, no. 7, pp. 6–22. (In Russian). EDN: XTXFPF.
15. Miller A.I. Russia: Power and History. *Pro Et Contra*, 2009, vol. 13, no. 3-4, pp. 6–23. (In Russian). EDN: YUTDGZ.
16. Doronin B.G. China: Historical Memory as the Foundation of the State (A View of a Chinese Historian). *Dialog so vremenem = Dialogue with time*, 2016, no. 54, pp. 137–149. (In Russian). EDN: VVNLPD.
17. Perelomov L.S. *Confucianism and Legism in China's Political History*. Moscow, Nauka Publ., 1981. 340 p.
18. Kuz'min K.E. Celebrating the 100th Anniversary of the Communist Party of China as an Example of Commemoration in Modern China. Voitishchek E.E. (ed.). *Current Issues of History, International Relations and Cultures of the Countries of the East. Materials of the V International Scientific Conference, Novosibirsk, October 7, 2022*. Novosibirsk, 2022, pp. 115–120. (In Russian). EDN: NHNTSF. DOI: 10.25205/978-5-4437-1405-9-115-120.

Информация об авторе

Кузьмин Кирил Евгеньевич — аспирант, кафедра мировой истории и международных отношений, исторический факультет, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, kirillkuzmin97@yandex.ru.

作者信息

Kirill E. Kuzmin — 研究生, 世界历史与国际关系教研室, 历史系, 伊尔库茨克国立大学, 伊尔库茨克, 俄罗斯联邦, kirillkuzmin97@yandex.ru.

Author

Kirill E. Kuzmin — PhD Student, Department of World History and International Relations, Faculty of History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, kirillkuzmin97@yandex.ru.

Для цитирования

Кузьмин К.Е. «Красный туризм» как инструмент исторической политики современного Китая / К.Е. Кузьмин. — DOI 10.17150/2587-7445.2023.7(3).294-303. — EDN WAIJTJ // Российско-китайские исследования. — 2023. — Т. 7, № 3. — С. 294–303.

For Citation

Kuzmin K.E. The “Red Tourism” as an Instrument of the Historical Policy of Modern China. *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2023, vol. 7, no. 3, pp. 294–303. (In Russian). EDN: WAIJTJ. DOI: 10.17150/2587-7445.2023.7(3).294-303.